

ПОМОРЫ И СЛАВА

Ещё в подростковые годы я с превеликим удивлением узнал: люди по-разному относятся к своей славе. Для одних это нормальное явление, если ты преодолел в жизни или на работе какой-то рубеж, достиг серьёзного, нужного людям результата, и тебя похвалили, наградили, сказали: ты лучше всех. И ты целый вечер ходишь, задрал нос, в лучах славы. И это нормально, потому что ты принёс людям пользу. Но на другой день ты идёшь опять на работу, опять выходишь к народу, а вчерашний результат ушёл в прошлое, ты о нём забыл, и люди о нём забыли. Теперь надо достигать новых результатов. Это нормальное отношение к славе у нас на Севере.

Другое дело, если кто-то получил премию или там медаль, и вот он вешает на грудь эту медаль и носит, и носит, мозолит всем глаза, с медалью на груди и у станка стоит, и в баню с ней, и, извините, в туалет с ней ходит. Очень дорога ему эта бирюлька. Очень греет слава душу честолюбивого человека.

Мне кажется: такому отношению ко всяким наградам в недавнем прошлом способствовало отечественное

кино. Взять, к примеру, славный, в общем-то фильм — «Кубанские казаки». Помните, все персонажи ходят в папахах и с плётками, а грудь каждого — обязательно в наградах. Они там и в поле работают, и на заседаниях сидят, и за столом борщ хлебают, и с девушкой милуются — обязательно с орденами и медалями на груди. Это, наверное, чтобы славы было больше у каждого казака. Чем больше наград, тем больше славы и тем девушки сильнее любят.

Все поморы с изумлением глядели на эти сцены, потому как ни один помор никогда не надевал на всеобщее обозрение боевые и трудовые награды. Всегда считалось и считается неприличным — выпячивать достоинства. Мол, «у меня-то смотри что есть, а у тебя-то и нет!»

Помор всегда демонстрирует ровное, спокойное отношение к собственной персоне, даже, если он совершил нечто грандиозное, если его все хвалят, когда он заслужил награды, совершил подвиг и т.д.

Помор никогда не станет подличать и вырывать «победу любой ценой» у своих товарищей.

Я впервые столкнулся с такими

повадками на летней спартакиаде суворовских училищ, проходившей в Минске в далёком 1968 году. Бежали мы «полторашку» — полтора километра. Я был тогда чемпионом Ленинградского суворовского училища по бегу на средние дистанции и всегда применял одну и ту же тактику: сначала всегда держался где-то в середине бегущих, затем постепенно набирал скорость и к концу дистанции выходил вперёд. Но тут перед моим ускорением вперёд вырвался суворовец, который был на год меня старше — Сашка Гниденко. Поравнявшись со мной, в самом скрытом от посторонних глаз месте — на загибе беговой дорожки — он вдруг локтем, как бы ненароком, сильно стукнул меня в область солнечного сплетения. Конечно, дыхание моё сбилось, я сильно затормозил бег и пришёл к финишу далеко не первым. Чемпионом стал Сашка Гниденко. Безусловно, я не остался в долгу: встретил его на лестнице в тот же вечер один на один и дал ему по хохлятской морде. Хорошо дал.

Я, сын помора, долго потом не понимал (да и сейчас не понимаю), как это можно — так бессовестно отнимать у людей победу?

Потом в жизни пришлось встречать много других подлостей. Но тот случай стал хорошим для меня уроком. Я впрямую осознал: на пути даже к минимальной славе люди могут совершать немалые гадкие вещи. Мои сородичи-поморы отчего-то совсем не обладают повадками хитрости и коварства. Всё у них написано на лицах — простых, незамыслова-

тых, на которых никогда не бывает ехидства и зависти.

Могу сказать твёрдо: поморам эти качества абсолютно чужды. Не хваткие они в этом смысле люди. Я вправду не до конца понимаю природу этого феномена — они живут и действуют так, будто никакая слава им не нужна.

Всё у них издревле просто: если друг — значит, друг, если враг — значит, враг. С другом надо дружить, с врагом надо воевать.

На моих глазах вернулся домой со службы в армии наш земляк — солдатик Ваня Петров. Ну, солдатик и солдатик. Живёт-поживает у родителей в деревне тихо-мирно. Сено косит, с девчонками по морскому берегу гуляет, рыбку ловит. Как и положено солдату-дембелю. Народ у него интересуется: как служилось тебе, Иван? Где довелось побывать? Что за служба была? Ну, и так далее. Ничего толком никому не ответил Иван. Всё улыбался да отмалчивался. Потом уж кто-то разузнал: серьёзную службу нёс наш земляк. Выполнял интернациональный долг в Афганистане, служил в самых горячих точках, участвовал в ряде острых операций Советской Армии. Побывал в тяжелейших, кровавых боях и заслужил много боевых наград самой высокой пробы. Геройский оказался наш молчун, нигде ни в чём не подвёл нашу Родину, воинскую часть и весь её личный состав. И вся семья у него такая: отец Ефим Павлович — участник Великой Отечественной, тоже геройский человек, ветеран Сталинградской битвы, так-

же вернулся с фронта весь в орденах. Многодетный отец, один из лучших колхозников района. Необычайно скромный. Всегда отказывался от всяких там интервью, от публикаций в свою честь...

Его другой сын, Александр — стройный красавец, служил в Германии, в Берлине, в роте почётного караула, затем попал в особо серьёзный маленький отряд советских военнослужащих, которые, наряду с солдатами Соединённых штатов, Франции и Англии, были прикомандированы к тюрьме Шпандау для охраны там бывшего заместителя Гитлера Рудольфа Гесса. Александр Петров регулярно видел этого узника на его прогулках. Он мне рассказывал: Гесс даже здоровался с нашими солдатами и улыбался при встречах, как старым знакомым.

Мало людей даже среди земляков, которые знают про всё это, а ведь это могло бы быть интересно и детям-школьникам, и даже взрослым. Можно было бы организовать встречи, и люди узнали бы много нового. А без таких встреч и нет никакой славы. И это, наверное, неправильно. Мы должны знать достойных земляков, ведь они — пример служения Родине и своему долгу. И воздать им должную почесть. Таких примеров на Севере множество. В войну мои земляки воевали славно. Сорок два человека погибли на фронтах той войны. Это более чем треть от всей деревни. И не было ни одного случая предательства со стороны поморов. А вот случаев героизма — предостаточно.

Покрывл себя неуязвимой славой экипаж ледокольного судна «Сибиряков», который с одной лёгкой пушечкой выступил в Арктике против немецкого линкора «Адмирал Шеер». Открыл по нему огонь, хотя знал: идёт на верную гибель. Боцманом на ледоколе был наш земляк и мой дальний родственник Андрей Тихонович Павловский. И в состоявшемся бою, и потом, находясь в норвежском плену, Андрей Тихонович вёл себя мужественно, умело руководил спасением команды, получил заслуженную награду — орден Красного Знамени.

Диомид Георгиевич Майзеров в Карелии был комиссаром партизанского отряда «Полярник». Удостоен нескольких орденов и медалей.

Александр Павлинович Петров в первые же дни войны совершил такие героические действия на поле брани, что заслужил боевой орден Красной звезды, который был ему вручён лишь после окончания войны. Всего за время боевых действий боевых орденов удостоены около двадцати пяти жителей нашей деревни. Но о них, моих героических земляках, об их боевых и трудовых подвигах никто толком нигде не общал, не писал.

Я всегда был и остаюсь приверженцем скромного отношения к собственной персоне, и приветствую, что это же демонстрируют и мои односельчане. Однако подобная скромность, когда мы замалчиваем героические дела славных людей, просто неуместна. Дело ведь совсем не в нас, а в тех, кто придёт за нами.

Потомки будут ждать от нас примеров достойного поведения предшественников в бою, в труде, в быту — а об этом нигде ничего не сказано. С кого брать пример? Добрые примеры нужны как воздух, особенно для молодых людей, но мало кто слышал о них.

Летний берег Белого моря. Благословенная земля. Живут там добрые люди — древние поморы. Живут, основывая свою жизнь на таких же древних традициях, как и они сами. В основе этих традиций — скромность, доброта, правда.

КАК Я ХОТЕЛ СТАТЬ ЗНАМЕНИТЫМ

Дедушко Павлин называет меня теперь своим крёстным отцом. Называет, конечно, больше в шутку, но мне это страшно нравится, тем более, что сам дедушко уверяет, что имя это я вполне заслужил. Он даже говорит, что, будь его воля, он бы обязательно меня наградил медалью или же почётной грамотой. Я бы и сам не против, но дедушко Павлин просто дедушка, а никакой не начальник, даже не председатель сельсовета, поэтому награждение меня ни грамотой, ни медалью не состоялось. Жаль. Зато как компенсацию за это я получил право называться крёстным дедушки Павлина, и друг Колька Гуляев завидует мне до крайности. Получилось всё из-за младшей сестры дедушки Павлина, тётки Анны.

Выйдя на пенсию, она вознамерилась вдруг заниматься рыбалкой и увлеклась этим, видно, очень сильно. То и дело видал я её с удочкой на Белой реке, что течёт рядом с деревней. Бабы и мужики над ней посмеивались, да и сам Павлин Иванович тоже, но она чуть не каждый вечер шла домой через главную улицу по-

сёлка и гордо несла на кукане десяток-другой тощих ершей и окуньков. Обликом и осанкой напоминала она в такие минуты укротительницу самых кровожадных хищных зверей. В конце концов, блюда из ершей, видимо, надоели мужу тётки Анны — старому усатому деревенскому фельдшеру, но больше у неё ничего не клевало, да и не водилось другой рыбы в мелководной Белой реке. Вот тогда-то и обратился ко мне Павлин Иванович.

— Сестра-то моя совсем ошалела на старости лет, — посетовал он. — Пристала: подъязков, грит, хочу поудить. От ядрёна корень! Ты уж отвёл бы её куда-нибудь. Лешой с ей-то!

Забот у меня, конечно, хватало и без тётки Анны, да и, откровенно говоря, не было желания с ней валандаться, но ведь сам дедушко попросил, и я сказал:

— Хорошо, пускай собирается.

Тётка Анна примчалась на другое же утро с самого ранья. Выспаться не дала... В руке — кривое удилище из длинной берёзовой вицы, глаза горят. Я, как и подобает многоопыт-

ному рыбаку, со скептическим, даже чуть презрительным посвистыванием проверил её снасти, указал, что крючок слишком мал, что удилище не выдержит настоящей рыбы и что вообще надо накопать ещё червей (пусть знает, что приходится в такую рань к порядочному человеку и опытному рыбаку — бестактно). И тётка Анна, охая над собственной непредусмотрительностью, помчалась устранять указанные недостатки. Я же тем временем понежился ещё в постели и только съел завтрак, как увидел в окошко тётку Анну. Что? Она уже всё сделала? Я выскочил на крыльцо. Удилище было заменено, оно лежало на изгороди, длинное, лёгкое и, как видно, прочное.

— А червей накопила, тётя Аня?

Она открыла банку. Там кишел целый клубок навозников. «Вот даёт бабуся!» — подумал я восхищённо и уже тогда заторопился тоже.

Путь на Верхнюю реку, куда мы направились, в общем-то недлинный: километра три через лес, до Переднего озера. Из него и вытекает река. Там, на ровных сенокосьях, вода тихая, глубокая, с травянистыми омутами. Подъездок водится в тех краях и в вёдрую погоду клюёт исправно.

Только вышли из посёлка и перед заходом в лес поднялись на угор, я сглупил — похвастал тётке Анне, что недели две назад выудил на Верхней реке аж семнадцать штук!

— Во подъязины были! — отметил на торце удилища невероятные размеры тех рыбин. Тётка Анна, не шибко-то избалованная дарами Бе-

лой реки с её ершами, приняла мой рассказ, конечно, на веру и раскочегарила по лесу так, что я чуть от неё не отстал. Откуда и прыть-то такая взялась! Однако, как прибыли на место, я опять взял бразды правления в свои руки и уже командовал тёткой Анной как учитель. Показал ей, как поприманистее, жирнее делать наживку, как осторожно надо подходить к омутку и заранее выбирать удобное место, чтобы не было сверху сучьев: на них обычно не обращаешь внимания, а как клюнет, рванёшь удилище, а оно и застревает. Рыба на леске повисит-повисит, потрепещется, и, пока «ширишься», — обязательно спрыгнет.

— Вот тогда, тётя, прыгай за им в речку-то, имай, — предупредил я тётку Анну.

Она слушала меня вроде внимательно, а сама аж зубами стучала от нетерпения. Умора! С погодой нам повезло. Стояло безветренное, тихое, чуть сыроватое и тёплое утро. Клёв должен быть хорошим. От речки доносились чавкающие звуки. Там погуливали в водорослях и хватали садящуюся на воду мошкарку подъязки. От каждого всплеска тётка Анна вздрагивала.

Вот и первые забросы. Я чуть не упал от изумления и — что там говорить! — зависти, когда моя подопечная уже через пару минут выволокла подъязка. Он запрыгал на траве — красноплавниковый, серебряный и ядрёный. Тётка Анна бросилась его хватать, потом, видно, поскользнулась и упала на рыбу животом. Надо бы посмеяться, да мне-то не до сме-

ха. Я-то, опытный, «стреляный» рыбак, ничего не поймал!

Через полчаса рыбалки мы подошли к старой осине, упавшей поперёк реки. Тут обычно рыбаки переходят на другой берег, потому что дальше идут сплошняком кусты и удить невозможно. Радостный, что не ударил в грязь лицом (в сумке, висевшей на боку, стучали упругими хвостами три подвязка — не меньше, чем у тётки Анны), я привычно перебежал по осине на другой берег. Тётка Анна шла сзади, но я в азарте рыбалки не обратил внимания на неё — велико ли дело — перебежать речку. Стал уже красться к кусту, за которым прятался уютный омуток, когда услышал сзади короткое «Ох!» и громоподобный всплеск... Оглянувшись, увидел лишь руки тётки Анны, торчащие из реки, да ещё уплывающее от неё удилище... В одну секунду взбежал я снова на осину и прыгнул вниз. И вот тут началась борьба с тёткой Анной. Оказалось, что она совсем не умела плавать, и вместо того, чтобы помогать мне вытаскивать себя из воды, обхватила вдруг меня за плечи, прижала к себе и всей тяжестью грузного своего тела потянула ко дну. Я увидел лишь её широко раскрытые от неожиданного купания и страха, ничего не видящие глаза. Хорошо ещё, что успел глотнуть немного воздуха и, достав ногами дно, сильно от него оттолкнулся. Тётка Анна оторвалась от меня на несколько мгновений, но, как только мы вынырнули, вновь на меня бросилась и стала хватать за одежду цепкими пальцами, при этом кри-

ча что-то бессвязное и страшное. Я понимал, что, если она уцепится, мы вновь пойдём ко дну, и отбивался от её рук всеми силами. Мне тоже стало жутко и захотелось бросить тётку и выбраться на берег, который был совсем рядом. Но бросать было нельзя, невозможно... и я боролся с руками тётки Анны, которые хотели утянуть меня на дно, и кричал ей что-то ругательное...

Пока мы так барахтались, течение занесло нас в глубокий и тихий омут, где мы только что удили подвязков. Силёнки совсем уж покинули меня, и я с трудом держался на воде, тётку же Анну вдруг развернуло как-то боком, и она, потеряв меня из виду, вскрикнула протяжно и дико, и голова её скрылась. Я едва успел поймать капюшон её лёгонькой брезентовой куртки. Как доплыл до берега и вытащил тётку Анну на песок, я в подробностях не помню. Остались какие-то мучительные и бесформенные обрывки воспоминаний: как выкатывал её из воды, вперевалку, словно тяжеленную чурку, как ритмически давил коленками на её спину, пониже лопаток, как начала она кашлять...

Потом я, наверное, уснул и проспал довольно долго, потому что, когда проснулся, солнце стояло уже над лесом, а тётка Анна сидела рядом и гладила меня по совсем уже сухой голове. Никогда бы раньше не поверил, что смогу вот так вот посреди дня закемарить на несколько часов, да ещё на рыбалке!

Удить мы тогда больше не стали, не захотелось почему-то, а подня-

лись и пошли потихоньку домой. Но это всё не главное. Самое основное, что тётка Анна всю дорогу твердила мне, что я настоящий пионер, что я, мол, совершил подвиг и что она обязательно сообщит обо мне в «Пионерскую правду». Тут она попала в самую точку. Тогда меня только приняли в пионеры, «Пионерскую правду» я любил страшно и читал её до последней точки, особенно нравились заметки под рубрикой «Так поступают пионеры». Читал их и думал: «Вот бы мне чего-нибудь совершить такое, чтобы и про меня написали в газете: «Он поступил как настоящий пионер». А тут тётка Анна подвернулась, и всё, кажется, получилось, как и у тех ребят, о которых уже написали... Всё то лето и всю осень с трепетом открывал я страницы «Пионерской правды», думал: ну сегодня нет про меня, но завтра-то уж будет точно. Ложась в постель, мечтал, что о том, как я вытащил тётку Анну из Верхней реки, прочитает вся страна, и я стану самым знаменитым пионером в деревне, а может, и в целом Примор-

ском районе, и меня будут уважать взрослые и ставить в пример... Ещё я рассуждал: напечатают или нет мою фотографию? О том, что для этого надо, по меньшей мере, сфотографироваться, и не думалось. В общем, не написала обо мне «Пионерская правда» под рубрикой «Так поступают пионеры». Я решил, что тётка Анна не сообщила туда ничего, но не стал спрашивать у неё, так это или не так.

А может, в газете постановили, что поступок такого-то пионера из такой-то деревни не является столь уж важным, чтобы о нём писать на всю страну. Сам я больше склонялся к последнему, потому что тётка Анна хоть и зануда, но в общем — хорошая и добрая. Так я и не стал знаменитым. Но зато дедушко Павлин называет меня теперь своим крёстным отцом. Говорит, что так полагается, если спасают от неминуемой гибели твоего родственника.

«А ты, — говорит, — Паша, спас мою родную сестру, Анну Ивановну».

И мой друг Колька Гуляев страшно мне завидует.